

А. Савельев

Трехсотлетие Войска Донского 1570-1870

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Савельев**
Трехсотлетие Войска Донского 1570-1870 / А. Савельев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 134 с.

ISBN 978-5-458-58631-3

Андроник Савельев в данной работе попытался систематизировать труды о донских казаках и казачьем крае, написанные до него, сконцентрировавшись на исторических событиях, происходивших за взятые 300 лет исключительно на Дону (за небольшими пометками о происходивших вокруг событиях - для понимания происходящего).

ISBN 978-5-458-58631-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

АВГУСТЪЙШІЙ АТАМАНЪ!

Исполнилось трехсотлѣтнее существованіе войска Донскаго—одного изъ старѣйшихъ русскихъ войскъ. Въ этотъ знаменательный для каждаго донца день, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше посвятить мой посильный трудъ имени Вашего Императорскаго Высочества, какъ Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Еще недавно войско Донское имѣло счастье принимать у себя, въ войсковомъ кругу, Ваше Императорское Высочество,—какъ своего Атамана, и Вашу Августѣйшую Супругу,—какъ свою Атаманшу. Ваше Императорское Высочество удостоили посѣтить тѣ мѣста, которыя полны историческихъ воспоминаній. Здѣсь былъ центръ не только Донскаго, но и всего Великорусскаго казачества; здѣсь нѣкогда собирався казачій кругъ думать и промыслять о царскомъ дѣлѣ; отсюда разсылалъ онъ увѣщательныя грамоты своимъ братьямъ, оберегателямъ Русской державы, Волжскимъ, Терскимъ, Гребенскимъ и Яицкимъ казакамъ, чтобы они «служили и прямили великимъ государямъ безъ всякой шатости». Покровительствуемое и жалуемое русскими царями войско Донское, изъ Черкаскаго городка выходило на легкихъ стругахъ въ «Святое» море, а пѣшею и конною ратью въ глубь татарскихъ степей—ширить и закрѣплять русское владычество на морѣ и на сушѣ. Съ черкасскихъ раскатовъ часто гремѣли вѣстовыя пушки и былъ на Дону общій «сполохъ» отъ внезапно появившагося непріятеля. И тѣ самыя, мирныя, цвѣтушія станицы, которыя съ неподдѣльнымъ восторгомъ принимали Ваше Императорское Высочество, не болѣе какъ

ето лѣтъ тому назадъ, не разъ пылали заревомъ пожаровъ и пустились отъ татарскихъ погромовъ. Тѣ самыя привольныя донскія степи, гдѣ теперь мирно развивается сельская жизнь, были изборожжены татарскими сакмами, воровскими шляхами. Здѣсь шла трудная, вѣковая борьба съ татарщиной; здѣсь казаки удерживали напоръ азіятскихъ ордъ не въ крѣпкихъ замкахъ, не за стѣнами отсиживались они, а въ широкихъ степяхъ своею грудью загораживали русскія земли отъ татарскихъ набѣговъ и тѣмъ самымъ давали время и возможность расти и укрѣпляться по Руси земскому строенію. Изъ Черкаска разсылались по Дону войсковыя грамоты и все войско Донское въ нѣсколько дней становилось въ поголовное ополченіе, шло туда, куда указывала царская воля и откуда угрожала Россіи опасность, и всюду, гдѣ бились русскія войска съ врагами Россіи, тамъ были и Донцы «не дремлющимъ окомъ» русскихъ армій. Но времена переменились. «Тихій Донъ Ивановичъ» сталъ тихимъ не по одному названію только. Наступила пора развитія на Дону мирной гражданской жизни, но, въ то же время, войско Донское, не измѣняя преданія своихъ предковъ, по первому царскому призыву встанетъ грозною военною силою, и какъ изъ столѣтія въ столѣтіе переходилъ и раздавался заздравный кликъ «всевеликаго» войска Донскаго, такъ долго еще онъ будетъ жить между Донцами: «Да здравствуетъ Царь-Государь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону!»

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

вѣрно преданный

Андроникъ Савельевъ.

При составленіи предлагаемаго сочиненія я имѣлъ цѣлью представить, въ общихъ очеркахъ, главнѣйшія событія изъ 300-лѣтней жизни войска Донскаго, по имѣющимся историческимъ актамъ и отдѣльнымъ изслѣдованіямъ исторіи Дона. При этомъ я обращалъ вниманіе только на тѣ событія, которыя происходили на территоріи войска Донскаго, слегка касаясь военныхъ дѣйствій казаковъ за предѣлами войска. При выборѣ фактовъ изъ историческихъ матеріаловъ и при группированіи ихъ, я преимущественно имѣлъ въ виду тѣ факты, которые, такъ или иначе, служатъ для характеристики внутренняго быта и управленія Донскаго войска въ данную эпоху. Такъ при обзорѣ перваго столѣтія существованія войска я не касаюсь такихъ общеизвѣстныхъ событій, какъ покореніе Сибири Ермакомъ, участіе казаковъ во время самозванщины и смутнаго времени, бунта Разина за предѣлами войска Донскаго; но за то подробно останавливаюсь на описаніяхъ приема царскихъ пословъ и ихъ пребыванія на Дону, на главнѣйшихъ событіяхъ изъ войнъ казаковъ съ татарами и турками, на рѣшеніяхъ казачьяго круга и его отпискахъ въ Москву. Во второмъ столѣтіи главный интересъ исторіи Донскихъ казаковъ сосредоточивается на ихъ непрерывной борьбѣ съ ногайскими, кубанскими и горскими татарами. Но здѣсь же мною изложено, въ краткихъ очеркахъ развитіе власти войсковаго атамана и старшинъ, появленіе раскола, устройство духовныхъ дѣлъ и возникновеніе крестьянства на Дону. Точно также и изъ третьяго столѣтія я обратилъ вниманіе преимущественно на такіе эпизоды, которые характеризуютъ внутренній бытъ войска въ это время. Здѣсь говорится о переселеніи казачьихъ семействъ на Кубань, Терекъ, Лабу и Суажу, о станичномъ самоуправленіи и, въ особенности, о главнѣйшихъ измѣненіяхъ въ войсковомъ управленіи и о преобразовательныхъ работахъ комитетовъ 1819 и 1860 годовъ.

Главнѣйшіе источники и пособія, которыми я пользовался при составленіи моего сочиненія, суть слѣдующіе:

1) Выписки изъ историческихъ актовъ, собранныхъ въ Московскомъ государственномъ архивѣ, приложенныя въ видѣ примѣчанія къ составленному въ 20 гг. историческому описанію войска Донскаго.

2) Матеріалы для исторіи войска Донскаго. Граматы. Новочеркасскъ. 1864.

3) Хранящіеся въ Донскомъ Статистическомъ Комитетѣ, еще не изданные, историческіе акты, касающіеся событій изъ исторіи войска Донскаго отъ 1700 до 1750 годовъ.

4) Хранящіеся въ Донскомъ Статистическомъ Комитетѣ акты, собранные изъ станичныхъ архивовъ, членомъ комитета Х. И. Поповымъ.

5) Историческіе матеріалы, помѣщенные въ 1-мъ выпускѣ трудовъ Донскаго Статистическаго Комитета.

6) Опись актавъ и запискамъ, собраннымъ въ архивахъ донскомъ, крѣпости св. Дмитрія, азовскомъ, таганрогскомъ, новохоперскомъ и астраханскомъ.

7) Историческое сказаніе о Верхне-Курмоярской станицѣ. Е. Кательникова.

8) Неофициальная часть Донскихъ войсковыхъ вѣдомостей, гдѣ разновременно помѣщались матеріалы для исторіи войска Донскаго.

9) Сказаніе о Донскихъ казакахъ, Ригельмана.

10) Исторія возмущенія Стеньки Разина, А. Попова.

11) Бунтъ Булавица, Соловьева.

12) Біографія Атамана Данилы Ефремова, Х. Попова.

13) Паденіе Атамана Ефремова, изъ «очерковъ Дона» Филонова.

14) Оренбургскій походъ — его же.

15) Донцы, соч. Мих. Сениюткина.

16) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.

17) Статьи, касающіяся исторіи, управленія и статистики Донскаго края, разновременно напечатанныя въ мѣстныхъ изданіяхъ.

При ограниченности тѣхъ матеріаловъ, которыми я пользовался, въ моемъ трудѣ, безъ сомнѣнія, встрѣтятся многіе пробѣлы, неполнота и отрывочность въ изложеніи, такъ какъ я не имѣлъ подъ руками весьма многихъ историческихъ актовъ, касающихся тѣхъ или другихъ событій изъ исторіи войска Донскаго. А. Савельевъ.

ПЕРВОЕ СТОЛѢТІЕ.

1570—1670 г.

И дана имъ на Дону жить своя воля... А ежелибъ еамъ воли своей не было и они бы на Дону служить не послушны бытъ не учили, и только бъ де они Донскіе казаки не укрѣпились бы, и не были бъ давно въ подданствѣ за московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царствы съ городами и землями во владѣтельствѣ“.

(Котошихинъ стр. 107).

На Дону-то живутъ, братцы, люди вольные,
Люди вольные, все Донскіе казаки.

(Донская народная пѣсня).

Первая царская грамота Донскимъ казакамъ. — Посольство Нащокина и его пребываніе на Дону. — Посольство Соловаго Протасьева. — Первое царское знамя, пожалованное войску Донскому. — Посольство Мансурова. — Посольство Кондырева и Бормасова. — Посольство Князя Бѣлосельскаго. — Убийство посла Карамышева. — Казаки оберегаютъ Русскія украины. — Взятіе Азова. — Азовское сидѣнье. — Поэтическое сказаніе объ Азовскомъ сидѣньи. — Стѣсненное положеніе казаковъ. — Появленіе Разина. — Отношеніе Главнаго Войска къ бунту Разина. — Взятіе Разина въ Кагальницкомъ городкѣ. — Простительная царская грамота.

Еще въ 1549 г. извѣстенъ былъ на Дону нѣкто Сары-Азманъ, который устроилъ въ трехъ, четырехъ мѣстахъ городки, и дѣлалъ нападены на ногайскихъ татаръ. Въ это время ногайскіе люди ходили къ Москвѣ съ торгомъ и, когда шли назадъ, на нихъ напали казаки *Северюки*, которые на Дону стояли, причемъ однихъ побили и куны ихъ взяли, а другихъ повели къ русскому царю. На жалобы ногайскаго Юсуфа, Иоаннъ отвѣчалъ, что эти холопы его въ Русской землѣ многое лихо учинили и убѣждали на поле. Спустя полтора года султанъ турецкій уже жалуется, что русскій царь Иванъ все поле и рѣки у него поотымалъ, отнялъ Донъ, и всю волю въ Азовѣ, казаки же царя Ивана съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дону пить не даютъ и крымскому царю дѣлаютъ великія обиды.

Въ началѣ 1570 г. Иоаннъ Грозный прислалъ на Донъ свою грамоту, которая считается первою по времени и съ которой начинается признанное московскими царями существованіе войска Донскаго. Послу Новосильцеву, отправленному въ Крымъ, поручалось передать эту

грамату атаманамъ и казакамъ, которыхъ найдетъ онъ на Дону, и уговаривать ихъ служить государю и его, Новосильцева, въ царскихъ дѣлахъ слушать во всемъ. Въ то время,—какъ говорилъ турецкій султанъ,—казаки жили Азовомъ, а Азовъ казаками: они ежегодно приходили подъ городъ, разоряли его, брали плѣнныхъ, и все это дѣлали безъ царскаго указа и вѣдома. Въ грамотахъ турецкому султану, въ отвѣтъ на его жалобы на казаковъ, московскіе цари обыкновенно говорили: „Донскіе казаки не по нашему велѣнью живутъ, бѣгая изъ разныхъ земель нашего государства и изъ Литовской земли, и всякія мирныя и бранныя дѣла у нихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома; мы сами по всеѣмъ своимъ украинамъ заказали, что если Донскіе казаки будутъ приходять въ украинскіе города, то чтобы ихъ ловили и казнили смертію. А что близъ Азова живутъ казаки, то тѣ тоже бѣглые люди, они тамъ живучи и постарѣлись. Ссоры же между азовцами и казаками бываютъ отъ того, что азовскіе, крымскіе и ногайскіе люди ходятъ на наши земли, берутъ въ плѣнъ и увозятъ въ Азовъ, казаки же этого не могутъ терпѣть и сами приходять на нихъ войною“. Но въ это же время донскіе атаманы и казаки *служили* Московскому государству въ другихъ мѣстахъ. Въ 1576 году они были въ *удовой* рати, учрежденной Іоанномъ на Волгѣ, сражались подъ стѣнами Казани и Астрахани, а въ 1584 году донской атаманъ Ермакъ Тимофѣевичъ билъ челомъ Іоанну Грозному цѣлымъ царствомъ Сибирскимъ. Преданіе говоритъ, что Іоаннъ Грозный за службу Ермака пожаловалъ Донскимъ казакамъ грамату на вѣчное владѣніе Дономъ, что грамата эта хранилась казаками какъ святыня до времени Петра Великаго. Народная же пѣсня поетъ, что въ отвѣтъ на челобитье Ермака сказалъ ему Грозный царь:

Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ,
Ой ты гой еси, войсковою Донскою Атаманушка,
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да и за твою службу,
За твою-то ли службу, мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебя, Ермакъ, славной тихой Донъ.

Въ 1592 году царь Ѳеодоръ Ивановичъ отправилъ въ Константинополь своего посланника, Григорія Нащокина, съ которымъ была послана на Донъ грамата о томъ, чтобы казаки съ Азовомъ жили мирно, задору бы не дѣлали и какіе у нихъ есть на рукахъ плѣнники изъ Азова, то чтобы они ихъ отпустили безъ выкупу; затѣмъ проводили бы Нащокина до Азова и ждали его возвращенія въ Раздорахъ, и отъ Азова проводили до Ряжскаго городка, межъ собою городъ отъ города. „Если же“, писалъ царь, „крымскіе и ногайскіе люди пойдуть

на наши украины войною, или будутъ возвращаться съ полономъ, и вы бы, атаманы и казаки, тѣхъ людей подстерегали на Дону на перевозахъ и надъ ними промышляли, а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ и теперь посылаемъ вамъ селитру и свинець.“ Григорій Нащокинъ плылъ внизъ по Дону; ниже переволоку на него напали было черкесы, но были отбиты; здѣсь же встрѣтили его верховые атаманы и казаки и проводили въ нижніе юрты, въ Раздоры, гдѣ стояли въ сборѣ Донскіе казаки. Нащокинъ расположился станомъ въ трехъ верстахъ отъ Войска, на Гостиномъ островѣ, и потребовалъ къ себѣ атамановъ и казаковъ для государева дѣла. Но три дня казаки не приходили въ станъ Нащокина и запретили всѣмъ дѣлать тоже. Посланнаго отъ Нащокина хотѣли посадить въ воду, за то, что онъ имъ не доброхотствуетъ и *извязался* взять у нихъ плѣнниковъ. На четвертый только день пришли къ Нащокину 300 казаковъ. Имъ онъ передалъ царскую грамоту. „Провожать тебя и служить государю мы готовы,“ говорили казаки, „полоняниковъ же намъ отдать нельзя: мы ихъ взяли своею кровью; они сами приходили на насъ и искали нашихъ головъ. А что нашу братью, атамановъ и казаковъ, берутъ въ полонъ азовскіе люди, то тѣхъ бросаютъ на уды, да на каторги сажаютъ и не только отдать даромъ, и на откупъ-то не отдають.“ Затѣмъ казаки ушли въ кругъ, гдѣ читали царскую грамоту всѣмъ вслухъ. По прочтеніи грамоты, начался шумный говоръ о томъ, чтобы плѣнниковъ не отдавать; нѣкоторые же изъ казаковъ, пришедши къ Нащокину, говорили: „Прежде государь насъ жаловалъ и посылавалъ намъ грамоты низовымъ лучшимъ атаманамъ поимянно, а потомъ всѣмъ атаманамъ и казакамъ, низовымъ и верховымъ; а нынѣ писано напередъ атаманамъ и казакамъ верховымъ, а послѣ намъ, низовымъ; то *не имянно*: верховые казаки государственной службы и не знаютъ“. Нащокинъ отвѣчалъ: „граматы писаны по прежнему, а напередъ написаны верховые потому, что они насъ провожали сверху Дона до низу. Вы же, атаманы и казаки, покажите государю свою службу, отдайте намъ полоняниковъ, государь вамъ велитъ за нихъ заплатить окупъ“. Казаки отвѣчали: „Полоняниковъ у насъ турецкой чеушъ, да 6 черкасскихъ князей; они оцѣнились дать за себя окупу 22,000, да поручныхъ за тѣхъ, которые безъ денегъ отпущены, 3,000, всего 32,000 золотыхъ. Если съ тобою тотъ окупъ присланъ, то мы ихъ отдадимъ, а безъ того намъ отдавать полоняниковъ нельзя. Паи этого окупа у насъ уже давно въ расходѣ; надѣясь на нихъ, мы занимали деньги и теперь въ большихъ долгахъ. Если мы теперь не возьмемъ окупа, то намъ не видать его и въ 10 лѣтъ, въ Москву же намъ за нимъ не ѣздить“.

Нащокинъ сталъ уговаривать каждого атамана порознь, *разводя*, какъ онъ говоритъ, угрожалъ имъ царскимъ гнѣвомъ, но все было напрасно. „Если тебѣ“,—говорили казаки,—„велѣлъ государь полоняниковъ отнять у насъ силою, то ты у насъ возьмешь ихъ изъ крови развѣ; мы лучше ихъ всѣхъ перебьемъ, а сами пойдѣмъ куда глаза глядятъ“. Нащокинъ возражалъ: „Государь у васъ тѣхъ полоняниковъ силою не велѣлъ брать, а писалъ только вамъ, чтобы вы для нынѣшняго дѣла ихъ отдали. Отъѣздомъ же грозить государю непригоже, холопи вы государевы и живете на государевой вотчинѣ“. На это казаки сказали: „чѣмъ же намъ жить на Дону, если и впередъ у насъ будутъ отнимать полоняниковъ безъ окупа“. Затѣмъ, они уѣхали къ себѣ въ Войско, велѣли есауламъ гнать всѣхъ, какіе еще оставались около шатровъ посланника, и строго запретили всѣмъ ходить въ по-сольскій станъ. На четвертый день послѣ этого опять пришли къ Нащокину атаманы и съ ними человекъ сто казаковъ, которымъ онъ началъ говорить о плѣнныхъ и о мирѣ съ азовцами. Казаки опять возражали: „прежде сего для переговоровъ о мирѣ присылали къ намъ первые азовцы и намъ нынѣ противъ прежнихъ обычаевъ, самимъ первымъ говорить о мирѣ—не пригоже; къ тому же наши товарищи теперъ на морѣ, а не дождавшись ихъ, намъ мириться нельзя“. Нащокинъ отвѣчалъ: „если вы съ Азовомъ мириться не хотите, то значить вы не слушаетесь государева наказу; а я пойду въ Азовъ и безъ вашего миру“.—„Надо объ этомъ поговорить въ Войскѣ“, рѣшили казаки. Но здѣсь же приступили къ Нащокину съ требованіемъ: „дай намъ наказъ государевъ; мы узнаемъ—сколько государева жалованья намъ прислано“. На это Нащокинъ возражалъ: „въ наказѣ многія государевы дѣла и просить его у насъ непригоже, а что съ нами прислано государева жалованья, мы то вамъ и отдадимъ. Прислано же вамъ и велѣно мнѣ дать лучшимъ атаманамъ по доброму сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ сукна расловскія; селитру и свинецъ велѣно отдать на раздѣлъ всѣмъ атаманамъ и казакамъ, верховымъ и низовымъ“.—„Какъ вы хотите раздавать сукно, разверстывать лучшимъ добрые, а рядовымъ средніе“,—говорили казаки,—„у насъ большихъ нѣтъ никого, всѣ мы равны; мы сами раздѣлимъ на все войско, по чему достанется. Да и селитра прежде присылаема намъ была по *Верхніе Раздоры*, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоровъ, съ нами не мѣшивали“. Отправляясь для посольства въ Азовъ, Нащокинъ оставлялъ въ Нижнихъ Раздорахъ дворянина Петра Хрущова, съ тѣмъ, чтобы онъ съ казаками наблюдалъ на Дону и по Донцу, не пойдутъ ли крымскіе и ногайскіе люди войною на Русскія украины, или съ полономъ съ украины, и въ такомъ

случаѣ, нападать на нихъ и разбивать. Казакамъ такая опека видимо не понравилась. „Прежде сего“, — говорили они, — „мы служили государю, а чужихъ головъ у насъ не было, и нынѣ ради служить съ своими же головами, а не съ Петромъ“. Наконецъ, не кончивши ничѣмъ съ казаками, Нащокинъ рѣшился ѣхать далѣе, въ Азовъ. Узнавши объ этомъ, казаки прислали сказать ему: „Не спѣши идти въ Азовъ, покаместъ мы о мирѣ договоримся и пока наши товарищи съ моря придутъ, а если же пойдешь, то мы тебя не пропустимъ“. Черезъ недѣлю пришли ожидаемые атаманы Жигулинъ, Носъ, Кабанъ и др. съ казаками до 600 человѣкъ, съ *наряднымъ дѣломъ*, съ саблями и ручницами; остановились близъ посольскаго стана; а человѣкъ 30 изъ нихъ пришли къ шатру и опять потребовали, чтобы Нащокинъ показалъ имъ царскій наказъ. „Намъ вѣдомо“, — говорили они, — „что государева жалованья пришло не столько, сколько ты намъ далъ“. Нащокинъ опять отказался показать имъ царскій наказъ. Между казаками поднялся сильный шумъ, слышны были крики: „не дай только намъ государевъ наказъ, такъ мы все раздѣлимъ по *волосу*; все, что къ намъ прислано, мы возьмемъ и не въ счетъ жалованья; мы знаемъ, что селитры прислано 25 пудъ и свинцу столько же, а намъ выдали только 15 пудъ, да и сукна не все выданы“. Нащокинъ отвѣчалъ казакамъ: „когда вы пришли грабить государеву казну, то мы помремъ прежде, а ее не отдадимъ вамъ. Правда, прислано вамъ 20 пудъ селитры, но изъ нихъ 5 пуд. верховымъ казакамъ, а съ вами въ войскѣ верховыхъ только 200 человѣкъ, остальнымъ же какъ не дать селитры?“ Но крики и шумъ между казаками увеличивались все болѣе и болѣе. Несмотря на угрозы и увѣщанія Нащокина, казаки пришли въ посольскій станъ и взяли весь, какой былъ, запасъ селитры и свинца; здѣсь же схватили казачьяго атамана Вышату Васильева, который провожалъ посла еще изъ Москвы, и, считая его измѣнникомъ Войску, били его *ослонами* передъ посольскими шатрами и затѣмъ, по казачьему суду, посадили въ воду“. Такія смуты между казаками Нащокинъ приписывалъ наущеніямъ атамана Федора Хорошаго, который былъ при посольствѣ, но съ послѣдняго стана тайно уѣхалъ въ войско и началъ стоять съ казаками заодно.

Наконецъ, послѣ двухъ-недѣльной стоянки около Раздоръ, Нащокинъ двинулся далѣе къ Азову, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ атамановъ и казаковъ. Въ Азовъ же явились казачьи атаманы, Воейковъ и Смирной, для договоровъ о мирѣ, гдѣ и цѣловали крестъ за всѣхъ атамановъ и казаковъ. По принятому обыкновенію, для закрѣпленія мира посланы были въ главное Войско азовскіе послы въ сопровожденіи греческаго священника; но казаки не только не закрѣпили мира,

но, отсѣкши одному изъ плѣнныхъ князей руку, послали его въ Азовъ, съ тѣмъ, чтобы понудить азовцевъ скорѣй прислать окупъ за плѣнныхъ. Азовцы обратились къ Нащокину: „подошли вы не съ добрымъ дѣломъ, а съ войною, значить — и корму вамъ давать не за что“. И дѣйствительно, въ теченіе 5 дней Нащокину не было корму отъ азовцевъ. Три раза азовцы *ссылались* съ казаками о дѣлахъ, по которымъ у нихъ былъ споръ, и только, благодаря увѣщаніямъ посла, казаки наконецъ закрѣпили миръ съ азовцами, но ненадолго. Едва успѣли они проводить посольство изъ Азова въ Царь-градъ, какъ немедленно же сдѣлали размирье съ азовцами, потому что эти вѣроломно схватили въ стѣнахъ Азова 130 чел. казаковъ, да двухъ толмачей, иныхъ казнили, а иныхъ посажали на каторги. Казаки не остались въ долгу. Вѣсть объ этомъ размирьи дошла до Царь-града, гдѣ, какъ говоритъ царская грамата: „за такое размирье Григорію Нащокину было великое истязаніе“. Турецкій паша приступилъ къ нему съ строгимъ допросомъ: „съ вѣдома вашего государя“, — говорилъ паша, — „на Дону и на Днѣпрѣ живутъ казаки и нашимъ пограничнымъ городамъ большіе дѣлаютъ убытки“. Нащокинъ отвѣчалъ: „на Дону живутъ воры, бѣглые люди, безъ государева вѣдома. А говоришь, что будто мы привезли къ нимъ государево жалованье, то мы къ нимъ ничего не приваживали. Правда, была у насъ селитра и свинець для своего обыходу, но донскіе казаки то взяли у насъ силою“. Паша продолжалъ: „къ намъ пишетъ крымскій царь, что ему великая тѣснота отъ вашихъ казаковъ. Государь вашъ поставилъ близко отъ Азова 4 городка, на Манычи, въ Черкасскомъ, да въ Раздорахъ; изъ этихъ-то городковъ казаки приходятъ и Азову тѣсноту дѣлаютъ“.

Отправляя на встрѣчу турецкому послу, ѣдущему вмѣстѣ съ Нащокинымъ, князя Конст. Волконскаго, царь Ѳедоръ Ивановичъ писалъ казакамъ: „покаместъ посланникъ нашъ, Григорій Нащокинъ, съ турецкимъ посломъ не придутъ къ вамъ, вы бы съ азовцами помирились и въ море подь турецкіе города не ходили, а нашего и турецкаго посла встрѣтили бы урядно, по прежнему обычаю, и проводили бы съ честью, чтобы имъ отъ воровскихъ казаковъ и черкасъ пройти здорово. Если же по нашему указу съ азовцами не помиритесь, то быть вамъ отъ насъ въ опалѣ и казни, и мы пошлемъ на васъ Дономъ большую рать и поставимъ свой городъ на Раздорахъ“. Несмотря на такую угрозу, казаки отказали въ провожатыхъ князю Волконскому. Они получили вѣсти, что товарищи ихъ, находящіеся въ Москвѣ, терпятъ большія бѣдствія: „государева жалованья имъ не даютъ и на Донъ не пускаютъ, служатъ они на своихъ коняхъ, а корму имъ не даютъ, а иныхъ даже въ холопство обращаютъ“.